

УДК 808.26

*Л. В. Прохоренко***ПУШКИНСКИЕ МЕТАФОРЫ
КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК**

Рассмотрены образные средства А. Пушкина в оригинале и переводе на белорусский язык, выявлены основные закономерности перевода.

Введение

Творческое наследие гениального русского поэта стало неотъемлемой частью всемирной духовной жизни вообще и белорусской в частности. Как проникновенно отметил Г. Бородулин, «всеохватный гений Пушкина вечный, как жизнь, как слово. Поэзия его была, есть и будет насущным хлебом духа. Заветом и наказом поэзии всех последующих поколений звучат пушкинские строки:

*Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

Моря и земли обошла поэзия бессмертного сына славянского света и не остыла – палит действенное слово!» [1, 186].

Воздействие пушкинских традиций на белорусский язык, культуру и литературу является многогранным. Это относится не только к использованию белорусскими писателями некоторых стилистических черт А. Пушкина, но и к собственным его произведениям образным средствам. Важное значение приобретает и духовная доминанта его творчества, имеющая общечеловеческую ценность.

Необходимо отметить и такую сферу воздействия пушкинского наследия на белорусскую культуру и литературу, как практика художественного перевода его произведений на белорусский язык. Огромный интерес к произведениям русского поэта активно стимулировал деятельность по переводу многих известных мастеров слова, в том числе и классиков белорусской поэзии: Я. Купалы, Г. Бородулина, А. Кулешова, М. Танка и др. Известно, что переводческая деятельность связана с поиском наиболее эквивалентных средств передачи образных, стилистических систем как языка оригинала, так и языка перевода.

По мнению исследователей, выбор слов и выражений в произведениях А. Пушкина подчиняется принципу «соразмерности и согласованности». В. Жирмунский отмечает, что для А. Пушкина «огромное значение имеет смысловой вес отдельного слова и смысловый принцип соединения слов» [2, 61]. Отмеченные черты идиостиля А. Пушкина определяют и особенности употребления им образных средств, среди которых наиболее примечательной является метафора.

Целью статьи является сравнительное исследование образно-метафорических средств А. Пушкина в оригинале и переводе на белорусский язык с точки зрения лексического состава, образного содержания и особенностей грамматического построения.

Результаты исследования и их обсуждение

В переводе на белорусский язык ряд метафор, использованных А. Пушкиным, А. Кулешов передаёт довольно точно, сохраняя исходную образность и семантику метафорических конструкций. Это объясняется многими факторами, среди которых важно отметить мастерство переводчика, стремление сохранить ритм и рифму, полный объём исходной информации, которую подаёт автор в произведении.

Одним из важнейших условий адекватной передачи метафор в поэтическом тексте перевода является совпадение русских и белорусских лексем:

Её улыбка, разговоры

Во мне любви рождают жар [3, 56];

Яе ўсмешка і размова

Навейваюць кахання жар [4, 85]. А. Александрович

Огня надежды полон взор [3, 13];

Агнём надзей пагляд гарыць [4, 16]. А. Александрович

Пригорки, рощи и долины

Весны огнём оживлены [3, 29];

Лясы, прыгоркі і даліны

Ажыўлены агнём вясны [3, 42]. А. Александрович

Иль розы пламенных ланит [5, 20];

Ці ружы полымных ланіт [6, 134]. А. Кулешов

И того ль искали

Вы чистой, пламенной душой? [5, 71];

Ці гэткага шукалі

Вы чыстай, полымнай душой? [6, 180]. А. Кулешов

Обрадован музыки громом [5, 100];

Узрушаны музыкі громам [6, 207]. А. Кулешов

Когда гремел мазурки гром [5, 101];

Калі грывеў мазуркі гром [6, 208]. А. Кулешов

Как вихорь жизни молодой [5, 101];

Як малады жыцця віхор [6, 207]. А. Кулешов

Примеры подобного употребления встречаются во многих текстах.

Без изменений использована метафора со словом **гроза** в отношении лица:

Где ты, где ты, гроза царей,

Свободы гордая певица [7, 283]

Дзе ты, дзе ты, граза цароў,

Свабоды гордая пяснярка [8, 5]. П. Глебка

Эквивалентом русского слова **гроза** выступает лексема **навальница**. Но в приведенном отрывке речь идёт о лице. Это значение передать словом **навальница** невозможно, и П. Глебка с полным правом выбрал русский вариант, что можно оценить как факт художественного билингвизма.

При переводе одних и тех же метафор разными авторами можно наблюдать варианты при выборе слов, которые отличаются одно от другого морфемным составом и грамматическими признаками. В этом плане показательны переводы глагола в составе словосочетания **любовь угасла**:

Я вас любил: любовь еще, быть может,

В душе моей угасла не совсем [9, 128].

Я вас кахаў: быць можа, мімаволі,

Кахання жар у сэрцы не пагас [6, 75]. М. Лужанин

Я вас кахаў. Яшчэ маё каханне

Не згасла ў сэрцы, можа, на зусім [10, 181]. Е. Миклошевский

Я вас кахаў: маё каханне, можа,

Яшчэ ў душы пагасла не зусім [11, 3]. А. Бачила

Одинаковое или подобное звучание межъязыковых лексических единиц является одним из языковых ресурсов, которые позволяют адекватно передать содержание и образность русскоязычного оригинала при переводе на белорусский язык.

Вот ещё один пример адекватного перевода пушкинской метафоры:

Дохнула буря, цвет прекрасный

Увял на утренней заре,

Потух огонь на алтаре! [5, 114];

Дыхнула бура, кветка звяла,

Заўчасна звяла на зары...

Няма ўжо Ленскага, сябры! [6, 220]. А. Кулешов

В последнем фрагменте наблюдаем несовпадение рода существительных (Ленский и ветка). Подобное расхождение придаёт выражению определенный контраст, но он не препятствует восприятию образа, так как метафора (в двух текстах) не обозначает прямого сравнения.

В некоторых случаях эквивалентность перевода становится менее точной. Это наблюдается тогда, когда синонимические корреляции между близкими по семантике и фонетическому составу русскими и белорусскими словами нарушаются. Так, вместо слова **луна** в переводе употребляется слово **месяц**:

Настанет ночь; луна обходит

Дозором дальний свод небес [5, 54].

Надыдзе ноч; па-над зямлёю

Зноў месяц пачынае шлях [6, 165]. А. Кулешов

Как поэтические символы, слова **луна** и **месяц** имеют некоторые отличия, что обуславливает и несоответствие в переводе.

Необходимо более подробно остановиться на неэквивалентных переводах, когда степень расхождения с оригиналом оказывается более значительной, но в большей части отмеченных примеров основные направления метафоризации сохраняются. Основную роль при выборе таких соответствий играет традиционный характер данного направления метафоризации и устойчивое употребление таких слов в роли метафор как в русской, так и в белорусской поэзии. По существу, в языке перевода употребляются другие образы, часто относящиеся к той же тематической группе: *Забвеньё жыцця в бурях света* [5, 163].

I забыццё ў віхурах света [6, 265]. А. Кулешов

Слова **буря**, **віхура** принадлежат к одному семантическому полю. Белорусский автор подошёл к переводу творчески, он смог сохранить авторскую позицию А. Пушкина, его стиль, настроение.

Рассмотрим другой пример:

Снова тучи надо мною

Собралися в тишине [9, 69].

Аблачыны нада мною

Спахмурнелі – гром імкне [6, 65]. М. Стрельцов

Метафора **тучи** в русском варианте выступает как символ угрозы, непокая, предвестник несчастья лирического героя. М. Стрельцов, на наш взгляд, сумел сохранить общую направленность метафоризации, но образность несколько изменилась: **аблачыны** в меньшей степени, чем **тучи**, передают тревогу, предчувствие неприятностей, беспокойства, а скорее – какой-то шум, сумрачность, угрюмость, хмурость в настроении человека. Метафоризация в переводе распространяется и на другое слово контекста: **спахмурнелі**, которое находится в тесной смысловой связи со словом **аблачыны**. М. Стрельцов, вслед за А. Пушкиным, не просто называет некоторые неотвратимые угрозы, а описывает это при помощи пейзажных зарисовок. В языке перевода смысл пушкинских строк несколько изменяется, события подаются на звуковом фоне, а на языке оригинала «царствует тишина».

При переводе следующих строк из романа «Евгений Онегин» А. Кулешов заменил слово **луна** словом **зорка**:

Как величавая луна,

Средь жен и дев блестит одна. [5, 140];

Як зорка яркая, адна

Сярод красунь здалёк відна [6, 244]. А. Кулешов

По мнению В. Рагойши, этот переводческий вариант оправдан. «В данном случае необходимо было сохранить не понятийную сущность лексической единицы, а её художественную функцию. Конечно, важно, что А. Пушкин сравнил всех московских красавиц со звёздами, а одну, лучше всех, – с луной. Но не менее удачно и сравнение, которое также позволяет поэту выделить, подчеркнуть красоту той единственной, которая «как величавая луна,

*срѣдъ жѣн и дев блестит одна» [12, 86]. Поэтому словосочетание **величавая луна** заменено **зоркай яркай**.*

Встречаются примеры, где метафорические слова употребляются с другой стилистической характеристикой:

Как я любил твои отзывы,

Глухие звуки, бездны глас. [12, 180];

Я так любіў тваё гучанне,

Прадоння голас з глыбіні [6, 12]. А. Звонко

На основании книжнославянской лексики в русской классической литературе XIX века возникло множество метафорических выражений, которые вносили особенный колорит поэтичности, возвышенности языка. Произведения А. Пушкина не были исключением в этом плане. В его поэзии широко используются старославянизмы для выражения оттенков торжественности.

Отметим также случаи метафорического употребления слов, которые принадлежат разным частям речи:

Мрачили мятежи и казни. [13, 307];

У змроку мецяжоў крывавых [6, 57]. В. Павлов

В оригинале употребляется сочетание предикативного типа, а в переводе оно заменено генитивной конструкцией.

Нами зафиксирован и пример замены метафорического выражения путем его значительного лексического, стилистического и синтаксического перестроения:

Везде неправедная Власть

В сгущенной мгле предрассуждений [7, 283];

Скрозь у забабоннай мгле густой

Сядзіць няправедная ўлада [8, 5]. Н. Глебка

Кроме этого, меняется структурный тип метафоры. В оригинале **мгла предрассуждений** – генитивное словосочетание, в переводе – атрибутивное: **забабонная мгла**. Однако образность приведенного фрагмента сохраняется, так как и в первом, и во втором отрывках речь идет о представлении несправедливой власти, основанной на лжи.

Примеров перестроения либо замены метафорических средств, которые приводят к значительной замене образа, немного. Это объясняется, прежде всего, отсутствием больших расхождений (фонетических, морфемных, морфологических) между русскими словами и их белорусскими эквивалентами. В качестве примера можно привести строчки с метонимическим переносом образа на смежное слово контекста, что наблюдается в переводе Ю. Свирки:

Ямицик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка [13, 148];

Вазак, як зух, а час ссівелы,

Вязе, не злезе з перадка [6, 31]. Ю. Свирка

В этом плане особенно ярко специфика авторского перевода с русского на белорусский язык проявляется в следующих строках А. Кулешова:

Ты негу жизни узнаёшь,

Ты п'еешь волшебный яд желаний. [5, 54];

Ты шчасце цьмянае завеш,

Ты п'еш атрутны сок жаданняў [14, 164]. А. Кулешов

Белорусский автор заменил метафорическое словосочетание **яд желаний** на **сок жаданняў**, при этом обозначение ядовитости переносится на прилагательное. В результате фрагмент перевода значительно расходится с оригиналом с точки зрения лексического состава и грамматических форм соотносимых семантических элементов.

Обращают на себя внимание и случаи замены метафорического элемента оригинального текста гипонимом:

Того змя воспоминаний,

Того раскаянье грызёт [5, 24].

Таму гадзюка ўспамінаў

Нідзе спакою не дае [6, 138]. А. Кулешов

Созданный образ переводчика полностью оправдан, так как слово **гадзюка** создаёт яркое представление о ядовитости змей и даёт основания рассматривать его как символ всех связанных со змеей отрицательных человеческих качеств и чувств.

Выводы

Таким образом, к основным типам несоответствий метафор А. Пушкина и их переводов на белорусский язык относятся лексическое и структурное перестроение метафорической единицы, при которых сохраняется основное образное направление метафоры; при этом наиболее частым является употребление белорусских эквивалентов, которые находятся с метафорическими элементами оригинала в тематически близких, синонимических, гипонимических и другого рода системных отношениях (*пыл душы – огонь души, яд желаний – сок желания, змия воспоминаний – гадзюка ўспамінаў*).

Літаратура

1. Бородулин, Р. Пророк / Р. Бородулин // А. С. Пушкін і Беларусь = А. С. Пушкин и Беларусь / уклад. Т. Махнач; гал. рэд. А. Мальдзіс. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – С. 185–186.
2. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избр. тр. / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 4: Поэмы. Сказки. – 448 с.
4. Пушкін, А. С. Руслан і Людміла: [паэма] / пер. А. Александровіча. – Мінск: Маст. літ., 1978. – 120 с.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. – 528 с.
6. Пушкін, А. С. Выбраныя творы / А. С. Пушкін. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 430 с.
7. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 1: Стихотворения 1820–1826. – 400 с.
8. Пушкін, А. С. Выбраныя творы / А. С. Пушкін. – Мінск: Дзярж. выд. БССР, 1949. – 570 с.
9. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 3: Стихотворения 1827–1836. – 480 с.
10. Пушкін, А. С. Прарок; Паэт; «Не дай гасподзь вам страціць клёк...»; Мадонна; Санет; «Калі б душы не даў я згоду...»: [вершы] / пер. Р. Барадуліна; «Калі твае гады ганьбуе...»; «Я вас кахаў. Яшчэ маё каханне...»; Жаданне; Вязьень; Ноч: [вершы] / пер. Я. Міклашэўскага; «На ўзвышшы Грузіі апала ноч імглою...»; Да***: [вершы] / пер. В. Зуёнкі // Польшча. – 1987. – № 1. – С. 179–182.
11. Пушкін, А. С. Вакхічная песня; Успамін; «Я вас кахаў...»: [вершы] / пер. А. Бачылы // ЛіМ. – 1969. – 6 чэрв.
12. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск: БГУ, 1980. – 184 с.
13. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 2: Стихотворения 1813–1820. – 480 с.
14. Пушкін, А. С. Да А. П. Керн: [верш] / пер. М. Лужаніна; Да***: [верш] / пер. В. Зуёнкі; К***: [верш] / пер. С. Грахоўскага; Да***: [верш] / пер. Ю. Свіркі; Да***: [верш] / пер. Я. Міклашэўскага // Роднае слова. – 2002. – № 4. – С. 39–40.

Summary

A. Pushkin's figurative means are regarded in the original and its translation into the Belarusian language and the main principles of translation are defined.

Поступила в редакцию 25.04.11.